

зились къ концу, и это тѣмъ болѣе достойно сожалѣнія, что хозяйственная исторія Россіи еще слишкомъ мало разработана и ждетъ еще своихъ изслѣдователей.

Не станемъ перечислять и характеризовать другихъ работъ И. Н.; скажемъ только, что, по общимъ отзывамъ, онѣ отличаются научною объективностью и проникнуты широкимъ взглядомъ на явленія соціальной жизни. Покойный былъ даровитымъ мыслителемъ и работникомъ. Его кратковременная жизнь была полна всякаго рода невзгодъ и лишеній, но онъ долженъ былъ испытывать чувство самоудовлетворенія, такъ какъ никогда не отступалъ отъ того, что считалъ за добро и истину. («Вѣстн. Воспит.», 1902, I.).

Х.

Иванъ Николаевичъ Миклашевскій.

(Некрологъ).

3-го декабря 1901 года умеръ въ Харьковѣ послѣ кратковременной болѣзни (воспаленія легкихъ) профессоръ политической экономіи и статистики въ Харьковскомъ университетѣ, Иванъ Николаевичъ Миклашевскій. Въ лицѣ его университетъ потерялъ безспорно «значительную научную и преподавательскую силу», а русская историческая наука лишилась серьезнаго изслѣдователя и одного изъ очень немногихъ беззавѣтныхъ тружениковъ и чернорабочихъ на неблагодарной почвѣ изученія архивныхъ документовъ въ нашихъ неустроенныхъ архивахъ. Эта утрата тѣмъ болѣе грустна, что человѣкъ погибъ въ цвѣтѣ лѣтъ и силъ: ему было только 43 года. И умеръ онъ въ ту самую пору, когда только лишь углубился въ обработку архивнаго матеріала, собраннаго въ теченіи двухъ лѣтъ упорнаго труда.

Родомъ изъ дворянъ Черниговской губерніи (родился въ 1858 году), И. Н. Миклашевскій, какъ и многіе изъ талантливыхъ русскихъ людей, не сразу обрѣлъ свое настоящее призваніе. Въ университетѣ онъ посвятилъ себя изученію естественныхъ наукъ. Поступилъ онъ сначала въ Петербургскій университетъ; оттуда въ силу житейскихъ обстоятельствъ долженъ былъ перебраться въ Московскій; но и здѣсь не могъ остаться до окончанія курса: состояніе здоровья вынудило его переселиться на югъ, въ Одессу, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1882 году со степенью кандидата естественныхъ наукъ. Еще будучи студентомъ, онъ получилъ почетный отзывъ за сочиненіе «О геологическомъ строеніи юго-западной

Россіи», по окончаніи курса продолжалъ спеціальныя занятія по геології и въ 1883 году напечаталъ свое изслѣдованіе «Геологія Глуховскаго уѣзда Черниговской губерніи». Но опять житейскія обстоятельства вынудили его поселиться въ родномъ гнѣздѣ и заняться хозяйствомъ, что не помѣшало ему выступить одновременно и на поприщѣ земской дѣятельности въ качествѣ уѣзднаго (по Городнянскому уѣзду) и губернскаго гласнаго Черниговской губерніи. Интересъ однако влекъ его къ научной работѣ. Поэтому онъ съ радостью принялъ въ октябрѣ 1885 года назначеніе стипендіатомъ высшаго оклада при Петровской земледѣльческой и лѣсной Академіи для приготовленія къ профессорскому званію. Такая отвѣтственная задача налагаетъ на каждого совѣстливаго и самолюбиваго человѣка рядъ серьезныхъ обязательствъ. Положеніе же И. Н. Миклашевскаго оказалось особенно труднымъ. Прежде всего избранный имъ предметъ — сельско-хозяйственная экономія — вынуждалъ его заняться спеціальнымъ изученіемъ политической экономіи и по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ отдѣловъ правовѣдѣнія, предметовъ довольно далекихъ отъ его университетской подготовки. Сверхъ того онъ, какъ человѣкъ чрезвычайно щепетильный, счелъ себя обязаннымъ, при вступленіи въ среду преподавателей спеціальнаго высшаго учебнаго заведенія, явиться туда не чужимъ человѣкомъ, а по крайней мѣрѣ съ званіемъ кандидата по этой спеціальности. Въ 1887 году, по выдержаніи экзамена и по одобреніи кандидатскаго разсужденія «Очерки крестьянскаго хозяйства въ Малороссіи», онъ утвержденъ былъ совѣтомъ Академіи въ степени кандидата сельскаго хозяйства, что конечно содѣйствовало въ значительной мѣрѣ упроченію положенія въ Академіи, но въ то же время отвлекало его отъ его спеціальныхъ занятій.

Въ маѣ 1887 года въ совѣтѣ Академіи возбужденъ былъ вопросъ о порученіи И. Н. Миклашевскому прочесть въ предстоящемъ академическомъ году необязательный курсъ сельско-хозяйственнаго законовѣдѣнія. Это предложеніе принято было совѣтомъ и утверждено министерствомъ. Съ октября мѣсяца 1887 года И. Н. Миклашевскій началъ свою преподавательскую дѣятельность. Повидимому онъ самъ не былъ удовлетворенъ первыми шагами на новомъ поприщѣ дѣятельности. Это видно изъ того, что выработанную имъ и утвержденную совѣтомъ программу курса онъ позднѣе переработалъ (см. объ программы въ Изв. Петровской Академіи за 1888 годъ, вып. 3-й, стр. 162, и за 1889 г., вып. 3-й, стр. 139), а также и изъ собственныхъ его словъ, сказанныхъ, правда, уже нѣсколько лѣтъ спустя: «я былъ такъ неостороженъ, поторопился читать лекціи, и какъ часто я объ этомъ сожалѣлъ». Положеніе его дѣйстви-

тельно было труднымъ, такъ какъ одновременно съ выработкой курса онъ готовился и къ экзаменамъ на магистра сельско-хозяйственныхъ наукъ. Къ экзаменамъ онъ приступилъ въ февралѣ 1888 года и въ маѣ окончилъ ихъ съ большимъ успѣхомъ. Еще раньше окончанія экзаменовъ совѣтъ Академіи совсѣмъ иначе оцѣнилъ первый опытъ преподавательской дѣятельности И. Н. Миклашевскаго. Въ засѣданіи 16-го апрѣля 1888 года профессоръ сельско-хозяйственной экономіи А. Н. Шишкинъ предложилъ включить читанный г. Миклашевскимъ курсъ въ число постоянно преподаваемыхъ въ Академіи предметовъ, сославшись на то, что «члены совѣта имѣли возможность убѣдиться въ успѣшности преподаванія взятаго имъ на себя курса». Подкрѣпляя свое предложеніе, профессоръ Шишкинъ замѣтилъ, что если онъ не возбуждалъ этого вопроса раньше, то только потому, что не имѣлъ въ виду лица, достаточно подготовленнаго и способнаго выполнить поставленную задачу. «Въ настоящую минуту такое лицо имѣется: это кандидатъ Петровской Академіи И. Н. Миклашевскій, который, кромѣ занятій подъ руководствомъ преподавателей Академіи, занимался также и науками, входящими въ кругъ юридическаго образованія, пользуясь совѣтами и указаніями профессоровъ Московскаго юридическаго факультета—А. И. Чупрова и И. И. Янжула». Совѣтъ согласился съ этимъ предложеніемъ и постановилъ ходатайствовать о приглашеніи И. Н. Миклашевскаго для прочтенія указаннаго курса и въ слѣдующемъ академическомъ году съ вознагражденіемъ по 100 руб. въ мѣсяцъ, что и было утверждено министерствомъ. Только черезъ годъ, по представленію совѣта, И. Н. Миклашевскій былъ назначенъ сверхштатнымъ доцентомъ Академіи.

Оставалось написать диссертацию, чтобы окончательно упрочить свое положеніе. Но какъ разъ съ этого времени надъ головой молодого ученаго начали скопляться тучи, которыя едва не изломали всей его жизни и порядкомъ ее исковеркали. Выборъ темы для молодого экономиста, такъ какъ онъ естественно все болѣе и болѣе специализировался въ этой области, оказался не легкимъ: темы по теоретической и практической экономіи сельскаго хозяйства, на которыхъ онъ испытывалъ свои силы, не увлекали его. И онъ мало по малу началъ сосредоточивать свое вниманіе на исторіи народнаго хозяйства, что и привело его къ вопросамъ экономическаго и общественнаго быта московской Руси. Но это новое направленіе работъ потребовало и новой усиленной подготовки и начитанности въ историческихъ памятникахъ и исторической литературѣ. За два—три года подготовительныя работы успѣли, очевидно, быстро подвинуться впередъ, такъ какъ въ началѣ 1892 года И. Н. Микла-

шевскій рѣшилъ приступить къ архивнымъ работамъ. Раннею весною этого года пишущему эти строки пришлось впервые встрѣтиться съ нимъ въ Москвѣ, въ читальномъ залѣ архива министерства юстиціи. Какъ вышнія условія занятій, такъ и значительное сходство интересовавшихъ насъ вопросовъ послужили весьма благопріятнымъ условіемъ къ взаимному сближенію. Въ ту пору недавно или только что вышедшіе труды А. С. Лаппо-Данилевскаго («Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ со временъ смуты до эпохи преобразованій» 1890) и П. Н. Милюкова («Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII столѣтія и реформа Петра Великаго. 1892» и «Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства. 1892»), взаимно дополнявшіе другъ друга, ставили цѣлый рядъ важнѣйшихъ вопросовъ по исторіи финансовой администраціи въ связи съ группировкою общественныхъ классовъ и сословій. Происхожденіе и развитіе сошнаго оклада, значеніе живущей четверти, возникновеніе двороваго обложенія, порядокъ составленія и отличительные признаки писцовыхъ, дозорныхъ, приправочныхъ и переписныхъ книгъ—всѣ эти и близкіе къ нимъ вопросы, наряду съ цѣлымъ рядомъ другихъ болѣе мелкихъ и техническихъ, какъ то: о значеніи «наддачи» и «одабриванія», о соотношеніи сохи, выти и четверти, о выраженіи «а въ дву потому жъ» и т. п. были для И. Н. Миклашевскаго самыми основными, такъ какъ безъ выясненія ихъ исторіи сельскаго хозяйства въ Московскомъ государствѣ трудно было ориентироваться въ цѣломъ рядѣ документальныхъ данныхъ. Но толкованія не легко даются. Успокоиться же на первой подходящей, чаще всего готовой, формулѣ вовсе было не въ духѣ И. Н. Миклашевскаго. Наоборотъ, иная мелочь, не поддающаяся безспорному рѣшенію, могла его долго и сильно волновать. Его осторожность и даже робость въ заключеніяхъ имѣли своимъ источникомъ строгую требовательность къ самому себѣ. Эта строгость къ себѣ и снисходительность къ другимъ, отнюдь не переходящая въ безразличіе, составляли одну изъ самыхъ характерныхъ и привлекательныхъ чертъ его натуры.

Разъяснить всѣ намѣченные вопросы въ короткое время было бы не подъ силу даже для крупнаго ума, опытнаго въ историческихъ изслѣдованіяхъ. И. Н. Миклашевскій былъ новичкомъ въ дѣлѣ, и естественно, что для него на первыхъ порахъ возникали все новыя и новыя сомнѣнія, открывались новыя и новыя трудности. Не одинъ изъ начинающихъ изслѣдователей отступалъ передъ подобными вырастающими преградами и покидалъ навсегда трудный путь научнаго работника. Но И. Н. Миклашевскій былъ иного закала человѣкъ. Его энергіи постоянно

приходилось удивляться и часто завидовать ему. Достаточно, казалось бы, посмотре́ть на его тщедушную фигуру, чтобы сде́лать совершенно обратное заключе́ние о трудоспособности челове́ка: высокі́й ростомъ, очень худой, плоскогрудый, подверженный частымъ припадкамъ удушливаго кашля, онъ производилъ впечатлѣніе очень хрупкаго, очень больнаго челове́ка. А между тѣмъ, наперекоръ латинской пословицѣ, въ этомъ болѣзненномъ тѣлѣ жилъ духъ удивительной энергіи и силы воли. Пять мѣсяцевъ совмѣстной работы, изъ которыхъ три мы жили вмѣстѣ и вмѣстѣ путешествовали изъ Петровской академіи на Дѣвичье поле, въ архивъ юстиціи, гдѣ проводили семь часовъ въ день (отъ 11 до 6), доказали, что переработать этого хрупкаго челове́ка было не легко. Онъ, правда, утомлялся физически, но по возвращеніи изъ архива, сейчасъ же послѣ обѣда шелъ отдыхать въ прекрасный академическій паркъ и во время прогулокъ оживленно дѣлился результатами трудового дня. На слѣдующій день, въ половинѣ десятаго утра мы снова садились на паровой трамвай, и такъ изо дня въ день, кромѣ праздниковъ и субботъ, когда архивъ былъ закрытъ; но по субботамъ мы обычно посѣщали Румянцевскій музей.

И по окончаніи каникулярнаго времени И. Н. Миклашевскій продолжалъ работать въ архивѣ, хоть текуція занятія не позволяли продолжать ихъ съ прежнею регулярностью. Между тѣмъ для него все болѣе и болѣе выяснялись какъ общія границы работы, такъ и отдѣльныя частности. «Пресловутое «дву потому жъ», писалъ онъ, становится для меня яснымъ. Буду доказывать, что четвертное измѣреніе не было измѣреніемъ въ геометрическомъ смыслѣ слова. Писцы измѣряли землю десятинами, а затѣмъ, «изверставъ по вытѣмъ», если дѣло шло о надѣлѣ группы, клали въ четверти. Для южной Россіи это для меня несомнѣнный фактъ... Уразумѣлъ также, что значать тѣ случаи пашни волче, о которыхъ мы толковали. Это формы сябриннаго землевладѣнія». Про свою будущую работу онъ со свойственной ему скромностью выражался такъ: «Послѣдняя явится, можетъ быть, «счетомъ, предъявленнымъ къ оплатѣ» и даже по товару не особенно дорогому, но во всякомъ случаѣ для меня пріятному... Мыслей достаточно, хотя я и крѣпко боюсь, что напишу книгу, которой не признають историки, не одобряють экономисты и не стануть читать сельскіе хозяева. Относительно послѣднихъ не сомнѣваюсь ни на одну минуту». Но рядомъ съ этими радостями выясняющихся результатовъ работы, зима 1892—1893 г. принесла и рядъ серьезныхъ невзгодъ: во-первыхъ, здоровье не выдержало такого напряженія силъ; во-вторыхъ, предстоящее преобразованіе Академіи все острѣе

напоминало о неопредѣленности будущей судьбы. Въ письмѣ отъ 5-го мая 1893 г., послѣ продолжительнаго молчанія, И. Н. Миклашевскій сообщалъ, что «9-го будетъ ровно два мѣсяца, какъ я не выхожу изъ квартиры. Совершенно неожиданно для меня въ горлѣ моемъ появились язвы. Диспутъ С. О. Фортунатова и чтеніе лекцій еще больше растравили ихъ, и въ результатѣ продолжительный арестъ. Бѣда только въ томъ, что язвы эти глубокаго происхожденія. Причина ихъ, по опредѣленію врачей, коренится въ неисправностяхъ моихъ легкихъ. Я вѣдь давно больной человекъ: еще 12 лѣтъ тому назадъ у меня проявилось какъ то кровохарканье, и съ тѣхъ поръ легкія постоянно напоминали мнѣ о «memento mori». Въ нынѣшнемъ году я какъ будто забылъ, что я, по опредѣленію покойнаго проф. Шкляревскаго, разбитая посуда, и переборщилъ: 1) слишкомъ много занимался, и въ архивѣ главнымъ образомъ, а 2) жилъ въ городѣ совсѣмъ по студенчески: въ отвратительной и холодной квартирѣ и при не менѣе отвратительномъ питаніи. Оказывается, въ моемъ возрастѣ и при моемъ здоровьи этого нельзя». Его больше всего сокрушало, что доктора категорически запретили ему заниматься лѣтомъ въ архивѣ, такъ какъ вѣда по пыльному городу и архивная пыль были бы для него смертельнымъ ядомъ. А между тѣмъ архивъ юстиціи въ лѣтніе мѣсяцы былъ открытъ до 6 часовъ. Съ другой стороны не могла не заботить и дальнѣйшая судьба послѣ предстоящаго закрытія Академіи. Ближайшимъ образомъ предстоялъ двоякій выходъ: или торопиться съ диссертацией, чтобъ успѣть защитить ее до закрытія Академіи и тѣмъ спасти всѣ права, пріобрѣтенныя въ Академіи по выдержаніи кандидатскаго и магистерскаго экзаменовъ, или пожертвовать всѣмъ этимъ и начинать все снова, сдавъ экзамены за юридическій факультетъ съ тѣмъ, чтобъ магистривать по политической экономіи. Лишенный возможности работать въ архивѣ, И. Н. Миклашевскій рѣшилъ попытать подвести итоги собранному архивному матеріалу, а главнымъ образомъ посвятить свое время подготовкѣ къ экзамену на кандидата правъ при Ярославскомъ лицѣѣ. Несмотря на столь грозныя предзнаменованія относительно исхода своей болѣзни, когда про человека можно было сказать, что онъ одной ногой стоитъ въ гробу, этотъ человекъ, нисколько не падая духомъ, съ поразительной энергіей работалъ въ теченіе всего лѣта 1893 года и въ концѣ августа поѣхалъ въ Ярославль сдавать кандидатскіе экзамены. Объ исходѣ экзаменовъ онъ писалъ: одолѣли меня настоящія юридическія науки въ видѣ гражданскихъ, торговыхъ и уголовныхъ правъ и судопроизводствъ. Въ особенности ужасны эти судопроизводства со всякими сроками, частными жалобами

и пр.» О подробностях экзаменов онъ рассказывалъ, какъ иные изъ преподавателей умно и деликатно поправляли его ошибки, отчего ему становилось стыдно и жутко. «Могу лишь сказать, что въ другой разъ не сталъ бы держать экзаменовъ; и теперь хотѣлъ было бросить ихъ: до того усталъ физически и нравственно. Ну да, слава Богу, дѣло сдѣлано. Одного зайца поймалъ въ этомъ году; какъ бы поймать другого — диссертацию».

По возвращеніи въ Москву онъ сейчасъ же принялся за работу. Но послѣ всего перенесеннаго и испытаннаго работа на первыхъ порахъ не клеилась: «Цѣлые дни провожу за письменнымъ столомъ, сообщалъ онъ, но больше мучусь, чѣмъ пишу». Однако вскорѣ дѣло наладилось. Въ концѣ сентября или въ началѣ октября И. Н. Миклашевскій переселился въ городъ, «чтобы еще кое что почитать для своей диссертации. Двѣ главы написаны въ чистую, равно какъ введеніе. Пришлось многое передѣлать въ сравненіи съ прежнимъ. Въ одномъ мѣстѣ мнѣ придется говорить о томъ, можно ли пользоваться цифрами пашни паханой писцевыхъ книгъ и сдѣлать экскурсъ въ область живущей четверти». Съ диссертацией дѣйствительно надо было торопиться, такъ какъ съ 1-го февраля старая Академія должна была прекратить свое существованіе. При такихъ условіяхъ работа уже не могла идти вполне правильно: приходилось иное обходить, иное оставлять безъ желательныхъ дополненій и обобщеній. Отсюда и становятся понятны тѣ слова, которыми заключалось введеніе къ новому труду: «Обстоятельства, совершенно независяція отъ автора, побуждаютъ его выпустить въ свѣтъ эту книгу гораздо раньше, чѣмъ онъ предполагалъ сдѣлать. Оттого нѣкоторые вопросы являются въ ней гораздо болѣе поставленными, чѣмъ разрѣшенными. Авторъ утѣшаетъ себя мыслью, что при разработкѣ собраннаго имъ матеріала для второго тома этого сочиненія ему удастся работать при болѣе благоприятныхъ условіяхъ, чѣмъ то было теперь, и онъ восполнить въ будущемъ тѣ пробѣлы и промахи, которые видны ему самому и на которые укажетъ ему критика». Въ самомъ началѣ 1894 года вышло въ свѣтъ это новое сочиненіе подъ заглавіемъ: «Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства. Часть I. Заселеніе и сельское хозяйство южной окраины XVII вѣка». Въ немъ впервые въ русской литературѣ исторія сельскаго хозяйства получила новую и единственно правильную постановку: изученіе этой исторіи не только съ точки зрѣнія роста техническихъ его усовершенствованій и не только съ точки зрѣнія правительственныхъ мѣропріятій къ развитію и поощренію разныхъ видовъ сельскаго хозяйства. «Исторія сельскаго хозяйства есть въ началѣ

своемъ, говоритъ авторъ, исторія заселенія края и превращеніе дикихъ полей, луговъ и лѣсовъ въ культурное состояніе. При посредствѣ какихъ силъ происходило это заселеніе и какія матеріальныя послѣдствія оно имѣло—это вопросы, на которые прежде всего должно отвѣтить историку сельскаго хозяйства». Авторъ и даетъ посильный отвѣтъ на эти вопросы для небольшой территоріи, обнимающей предѣлы нынѣшнихъ губерній Курской и Воронежской и немногихъ къ нимъ прилегающихъ мѣстностей, предпославъ своему изслѣдованію любопытный критическій очеркъ по древней метрологіи и финансовой техникѣ.

Принятое совѣтомъ Петровской сельско-хозяйственной Академіи въ качествѣ диссертации на степень магистра сельскаго хозяйства это сочиненіе не могло найти должной оцѣнки со стороны этой ученой коллегіи, такъ какъ въ ея средѣ, кромѣ А. О. Фортунатова, не было ни одного специалиста, компетентнаго въ затронутыхъ вопросахъ. Естественнo, что И. Н. Миклашевскій былъ чрезвычайно доволенъ, что въ его диспутѣ, состоявшемся 30-го января 1894 года, приняли участіе такіа крупныя силы Московскаго университета, какъ А. И. Чупровъ и П. Н. Милюковъ. Самъ диспутантъ остался очень доволенъ ходомъ диспута, хотя и призналъ полную справедливость нѣкоторыхъ изъ предъявленныхъ ему возраженій. Подробное изложеніе всѣхъ преній онъ заключилъ такимъ замѣчаніемъ: «Около пяти часовъ меня мучили, пока объявили, что я устаиваюсь степени, которая, быть можетъ, для меня никуда годна не будетъ, ибо я въ настоящую минуту уже заштатный»... Это предположеніе дѣйствительно оказалось гораздо болѣе вѣрнымъ, чѣмъ ранѣе высказанное опасеніе, что книга его не найдетъ признанія со стороны историковъ. Лучшимъ опроверженіемъ послѣдняго служить тотъ фактъ, что Академія Наукъ въ 1895 году, по отзыву проф. Д. И. Багалѣя, увѣнчала сочиненіе И. Н. Миклашевскаго малою Уваровскою преміею.

Но какъ разъ съ момента полученія ученой степени начался для И. Н. рядъ серьезныхъ житейскихъ невзгодъ, которыя всякаго менѣе твердаго духомъ и не столь преданнаго интересамъ науки выбили бы несомнѣнно изъ колеи. Еще осенью 1893 года министръ государственныхъ имуществъ, при посѣщеніи Академіи, сказалъ И. Н. Миклашевскому, что знаетъ его работы, въ частности его трудъ о водяномъ правѣ въ Россіи и заграничѣ («я согрѣшилъ какъ то замѣткой по этому поводу, сообщаетъ онъ, въ видѣ доклада въ собраніяхъ генерала Анненкова»), и имѣетъ въ виду привлечь его къ дальнѣйшей разработкѣ этихъ вопросовъ. Эти слова подали поводъ къ нѣсколькимъ преждевременнымъ надеждамъ «удрать на годикъ—другой заграницу», но которымъ, къ

сожалѣнію, не суждено было осуществиться. Въ февралѣ 1894 года дѣйствительно послѣдовало приглашеніе отъ министерства государственныхъ имуществъ прибыть въ Петербургъ для переговоровъ. По этому поводу И. Н. Миклашевскій иронически замѣтилъ, что онъ вызванъ «по водяной части; это послѣ писцевыхъ книгъ, прости Господи». Ему поручено было разработать данныя для составленія законопроекта о пользованіи водами. Какъ видно, безъ особой радости брался онъ за эту большую и отвѣтственную работу. Его побуждала къ тому лишь увѣренность или надежда, что сохраненіе связей и отношеній съ министерствомъ скорѣе обезпечитъ ему доступъ въ число преподавателей при открытіи реформируемаго института на мѣсто прежней Академіи. Всю весну и лѣто просидѣлъ онъ за этой работой и составилъ обширную докладную записку, послѣ представленія которой послѣдовало открытіе въ Симферополѣ особаго совѣщанія по выработкѣ законопроекта о пользованіи проточными водами Крымскаго полуострова, и на это совѣщаніе онъ былъ командированъ съ 16-го сентября въ качествѣ представителя отъ министерства. Длѣющаяся неопредѣленность положенія не могла однако не внушать серьезныхъ опасеній. Поэтому И. Н. Миклашевскій еще весной началъ хлопотать о зачисленіи въ составъ приватъ-доцентовъ Московскаго университета, что и увѣнчалось успѣхомъ: въ іюлѣ послѣдовало утвержденіе его приватъ-доцентомъ по кафедрѣ политической экономіи и статистики. Но командировка въ Крымъ не позволяла начать новую преподавательскую дѣятельность съ наступающаго академическаго года и могла лишь затянуть длѣющуюся неопредѣленность положенія. Находясь въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, И. Н. Миклашевскій передъ командировкой рѣшилъ подать прошеніе о назначеніи его профессоромъ сельско-хозяйственнаго законовѣдѣнія или политической экономіи въ будущій институтъ и заявилъ при этомъ, что и командировку онъ можетъ принять только въ томъ случаѣ, если дальнѣйшая преподавательская дѣятельность ему будетъ обезпечена. Ему дано было обѣщаніе, что онъ будетъ «устроенъ». Успокоенный насчетъ дальнѣйшей своей судьбы, онъ уѣхалъ въ Крымъ, гдѣ пробылъ до половины декабря. По возвращеніи оттуда въ Петербургъ, онъ къ своему удивленію и великому огорченію узналъ, что на соотвѣтственныя кафедры въ институтъ выступили серьезными кандидатами иныя лица. Всѣ старанія напомнить о себѣ, о своихъ правахъ, наконецъ, о данномъ обѣщаніи не помогли дѣлу. Чужія лица были предпочтены своему кандидату и именно потому, что онъ былъ «свой», такъ какъ де изъ прежнихъ преподавателей Академіи никто не будетъ назначенъ въ новый институтъ. При бѣдности у насъ препода-

вательскихъ силъ — мѣропріятіе по меньшей мѣрѣ странное и при томъ несправедливое особенно потому, что въ пользу отдѣльныхъ лицъ изъ этого правила допущены были отступленія. И. Н. Миклашевскій оказался совсѣмъ не у дѣль. Можно представить, какъ это на него подѣйствовало. Онъ остался только приватъ-доцентомъ Московскаго университета и преподавателемъ Межевого института. Но ничтожное содержаніе, получаемое по послѣдней должности, не могло обезпечить сколько нибудь сносное существованіе въ Москвѣ, такъ какъ выдача заштатнаго содержанія по истеченіи года прекратилась; а И. Н. Миклашевскій былъ уже въ ту пору женатымъ человѣкомъ. Вотъ какъ описываетъ онъ свое положеніе въ мартѣ 1895 года: «На дняхъ я получилъ самое достойное извѣстіе, что моя кандидатура въ сельско-хозяйственномъ институтѣ окончательно прогорѣла. По правдѣ сказать, я очень доволенъ, что окончился періодъ ожиданій и неопредѣленнаго положенія. Приходится взглянуть на положеніе вещей въ томъ видѣ, какъ онѣ суть, и не предаваться несбыточнымъ мечтаніямъ относительно возможности устроиться сколько нибудь человѣческимъ образомъ въ Москвѣ. У меня здѣсь нѣтъ никакого будущаго и, главное, средствъ къ существованію. Тѣ 60 руб., которые я получаю въ Межевомъ институтѣ, также непрочны, и съ преобразованіемъ послѣдняго, каковое можетъ послѣдовать чуть ли не каждый день, я легко могу лишиться и этого скромнаго заработка. Нужно, слѣдовательно, попытаться искать чего либо «иные»...» Но и устроиться въ Москвѣ оказалось вовсе не легко. Такъ его попытка получить назначеніе въ Юрьевскій университетъ встрѣтила противодѣйствіе со стороны университетскаго начальства «вслѣдствіе дефекта въ степени», хотя въ томъ же университетѣ нѣсколько преподавателей и даже профессоровъ никакихъ «дефектовъ» въ степеняхъ не имѣли только потому, что не имѣли никакихъ степеней.

Прошло болѣе года, тяжкаго года нужды, болѣзней, ежедневной заботы о кускѣ хлѣба, прежде чѣмъ въ эту безотрадную жизнь заглянулъ лучъ солнца. Вотъ что писалъ онъ въ этотъ періодъ своей жизни: «О себѣ не могу сообщить ровно ничего хорошаго. Нѣтъ денегъ, а, главное, нѣтъ здоровья и покоя. Въ послѣднее время у меня появились скверныя опухоли, повидимому туберкулезнаго происхожденія. Врачи совѣтуютъ ѣхать въ теплые края, но отъ такихъ совѣтовъ я только прихожу въ уныніе. Хвораетъ и жена, и потому «въ дому моемъ скорбь и печаль». Впервые въ декабрѣ 1895 года судьба нѣсколько смягчилась: И. Н. Миклашевскій былъ назначенъ преподавателемъ политической экономіи и статистики въ Московское техническое училище. Но не долго занималъ онъ эту должность, такъ какъ 1-го мая 1896 года послѣдо-

вало назначеніе его исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора въ Демидовскій юридическій лицей на кафедре политической экономіи. Съ этого момента наступилъ конецъ мытарствамъ: человекъ перетерпѣлъ невзгоды, не поддавшись искушеніямъ выгодно устроиться въ другой профессіи, не измѣнилъ своей наукѣ. Можно представить настроеніе человека, снова обрѣтшаго почву подъ ногами. Но не дешево обошлась эта стойкость: и здоровье еще больше было распатано, и не мало силъ ушло совсѣмъ бесплодно.

Въ Ярославль И. Н. Миклашевскій собственно не успѣлъ даже и переѣхать, такъ какъ черезъ полтора мѣсяца послѣ назначенія туда онъ былъ перемѣщенъ, послѣ смерти проф. Сокальскаго, въ Харьковскій университетъ тѣмъ же званіемъ по кафедрѣ политической экономіи и статистики. Одно изъ близкихъ къ нему лицъ объ этомъ моментѣ его біографіи сообщаетъ слѣдующее: «Назначеніе въ университетъ и на кафедру было однимъ изъ лучшихъ дней его жизни. Я помню, какъ онъ, уже не молодой человекъ, писалъ объ этомъ матери, и слезы текли у него изъ глазъ». Въ Харьковѣ онъ выступилъ сначала только преподавателемъ статистики (преподаваніе политической экономіи перешло къ нему лишь послѣ смерти проф. Цѣхановецкаго) и первое время конечно долженъ былъ посвятить всѣ свои силы выработкѣ курса статистики, надъ которымъ онъ много работалъ и имѣлъ намѣреніе издать его въ свѣтъ. Но всѣ помыслы его со времени назначенія въ Харьковъ были направлены главнымъ образомъ на продолженіе историческихъ изысканій въ области народнаго хозяйства въ Московскомъ государствѣ. Тѣмъ спокойнѣе онъ могъ приняться за осуществленіе этихъ стремленій, что «дефектъ въ степени», изъ за котораго онъ потерпѣлъ фіаско въ Юрьевскомъ университетѣ, оказался пустымъ предлогомъ. Еще въ бытность И. Н. Миклашевскаго приватъ-доцентомъ отъ начальства Московскаго университета имъ получено было разъясненіе, «что разъ факультетъ призналъ его своимъ приватъ-доцентомъ, и онъ утвержденъ въ этомъ званіи, то это можно толковать въ томъ смыслѣ, что факультетъ призналъ его степень равносильною съ университетской, а потому де онъ можетъ представить докторскую диссертацию на общемъ основаніи». Назначеніе въ Харьковскій университетъ вполне подтвердило правильность такого толкованія. Значить результаты труда въ желанной области можно было представить на судъ ученой критики въ качествѣ диссертациі на степень доктора политической экономіи.

Вскорѣ началось «архивное сидѣнье». И. Н. Миклашевскій не пропускалъ ни одного подходящаго случая, чтобы хотя на короткое

время вырваться въ Москву и поработать тамъ въ архивахъ. Сначала это возможно было только урывками, исключительно въ каникулярное время. Но при такихъ условіяхъ двинуть работу съ желательною скоростью было невозможно. Поэтому И. Н. Миклашевскій былъ несказанно радъ, когда ему удалось выхлопотать съ 1-го іюня 1899 года годичную командировку во внутрь Имперіи и за границу. Но за границу онъ не поѣхалъ и все время просидѣлъ въ Москвѣ за собираніемъ матеріала. Туда онъ ѣздилъ еще во время зимнихъ каникулъ 1900—1901 года и получилъ командировку съ 20-го мая по 1-е сентября 1901 года. Вѣроятно, приведеніе собраннаго матеріала въ порядокъ и обработка отдѣльныхъ его частей потребовали бы еще дальнѣйшихъ поѣздокъ въ московскіе архивы, если бы случайная смерть не прервала этой работы въ самомъ ея началѣ.

За нѣсколько мѣсяцевъ до смерти И. Н. Миклашевскій писалъ: «не тогда скверно, когда самъ умираешь, а тогда, когда присуствуешь при смерти другихъ и при томъ хорошо сознаешь, что вѣдь все могло бы быть иначе, не такъ жестоко и нелѣпно». Это были пророческія слова. Дѣйствительно, судьба оказалась несправедливой въ отношеніи И. Н. Миклашевскаго и на этотъ разъ. Онъ имѣлъ основанія быть недовольнымъ своею первою историческою работою, такъ какъ ее пришлось выпустить въ свѣтъ раньше, чѣмъ хотѣлось автору. Вторую работу, которую онъ подготовлялъ съ такими любовью, трудолюбіемъ и тщательною осмотрительностью, смерть помѣшала не только окончить, но даже по-видимому намѣтить внѣшнія вѣхи плана работы. Осталась кipa осиротѣлыхъ бумагъ, все почти выдержки, выписки и списки изъ архивныхъ матеріаловъ, ключъ къ которымъ покойный унесъ съ собой въ могилу.

Мнѣ пришлось видѣть бумаги покойнаго и пока лишь внѣшнимъ образомъ ознакомиться съ ихъ содержаніемъ. Это весьма любопытный архивъ для провинціальнаго ученаго. Разнообразіе содержащагося въ этихъ бумагахъ матеріала указываетъ, въ какія стороны направлялся интересъ изслѣдователя, а немногія, къ сожалѣнію, данныя личной переписки даютъ возможность установить хотя нѣкоторые вопросы, остававшіеся на себѣ его преимущественное вниманіе.

Живя и работая въ Москвѣ въ 1899—1900 году, И. Н. Миклашевскій заинтересовался между прочимъ вопросомъ о власти Московскихъ государей въ XVII вѣкѣ. На вопросъ, зачѣмъ это ему понадобилось, онъ отвѣчаетъ, что раньше еще изучалъ Крижанича и Посошкова, въ особенности перваго, но теперь узналъ, что «Безсоновъ хотя два раза издавалъ труды Крижанича, въ частности его «разговоры объ вла-

дательству», но ни разу не издалъ ихъ до конца. Тутъ въ Москвѣ еще не менѣе того, что издано Безсоновымъ, и заключаетъ въ себѣ не менѣе интересныя вещи, чѣмъ въ изданныхъ частяхъ. Это все мною изучено и въ большей мѣрѣ списано... Крижаничъ, европеецъ и образованный человѣкъ, является у насъ первымъ выразителемъ новыхъ идей полицейскаго государства. Подъ вліяніемъ этихъ идей складываются и его экономическія возрѣнія (еще въ Италіи), а въ Россіи онъ, превосходно ознакомившись съ бытомъ и условіями русской жизни, является съ цѣлымъ рядомъ проектовъ реформъ, осуществленіе которыхъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ послѣдовало уже при Петрѣ, но нѣкоторыя были предприняты еще и въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Такова, на примѣръ, реформа денежнаго обращенія. Я не знаю, извѣстно ли вамъ, что *золотое обращеніе* было введено послѣ мѣднаго въ 1663—1664 годахъ, при чемъ единицей такого обращенія была *золотая денга*. Я бы былъ очень счастливъ, если бы мнѣ удалось найти документы, касающіеся золотого краха того времени, ибо такой крахъ несомнѣнно произошелъ, такъ какъ золото въ обращеніи не удержалось». Неизвѣстно, удалось ли И. Н. Миклашевскому напасть на слѣдъ такихъ документовъ; но изъ приведенной выдержки ясно, что вопросъ о власти государей интересовалъ его въ связи съ финансовыми реформами второй половины XVII вѣка. Но какъ онъ представлялъ себѣ эту связь, этого нельзя рѣшить по обширнымъ выпискамъ изъ неизданныхъ сочиненій Крижанича.

Въ другой разъ онъ сообщаетъ, что у него «въ портфель лежатъ большія выписки изъ писцовыхъ книгъ по уѣздамъ Московскому, Можайскому, Серпуховскому, Верейскому, Клинскому, Волоколамскому, Переяславскому съ одной стороны, Арзамасскому, Нижегородскому, Балахонскому съ другой, Архангельскому, Вологодскому, Костромскому и Великоустюжскому съ третьей, а черезъ нѣкоторое время такія же выписки сдѣланы будутъ по Новгородско-Псковской области». Дѣйствительно, этотъ матеріалъ составляетъ самую большую и едва ли не самую важную часть бумагъ покойнаго. Повидимому были изучены всѣ писцовыя книги 20-хъ и 30-хъ годовъ XVII столѣтія, какія только оказались на лицо въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Выписки изъ нихъ сведены въ таблицы итоговъ по разнообразнымъ группамъ о количествѣ вотчинъ и помѣстій, людскихъ, крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ, пашни паханой разныхъ качествъ, перелога, лѣсовъ и пр., при чемъ итоги подведены не только по уѣздамъ, но и по станамъ, гдѣ это было возможно. Къ таблицамъ же присоединены значительныя подлинныя выдержки изъ

текста книгъ. Такой цѣнный матеріалъ могъ быть использованъ для разныхъ цѣлей и въ весьма различныхъ направленіяхъ. Прежде всего онъ могъ быть положенъ въ основу изученія хозяйственно-экономическаго быта, что всего ближе могло интересовать И. Н. Миклашевскаго. Въ дополненіе къ этому онъ имѣлъ въ виду воспользоваться общими итогами поземельной собственности по писцовымъ книгамъ на основаніи свода, составленнаго извѣстною комиссіею князя Голицына въ XVIII вѣкѣ. Эти итоги онъ имѣлъ въ виду издать въ свѣтъ и «уже уговорился съ NN относительно напечатанія ихъ», хотя этотъ планъ не приведенъ въ исполненіе: списки общихъ итоговъ оказались на лицѣ въ бумагахъ.

Но писцовыя книги не содержатъ отвѣтовъ на всѣ вопросы хозяйственнаго быта страны. Въ частности для выясненія положенія населенія необходимо было привлечь и другія данныя. А этого вопроса неизбѣжно приходилось касаться и И. Н. Миклашевскому. Онъ между прочимъ писалъ, что «мало по малу подходитъ въ своей работѣ и къ крестьянскому вопросу», или, какъ выразился въ другой разъ: «Оказалось, что въ моей работѣ нельзя будетъ не говорить о рабочемъ вопросѣ въ широкомъ смыслѣ этого слова». Для подбора матеріала въ этомъ направленіи онъ прежде всего обратился къ изученію книгъ вотчинной конторы по г. Пскову, изъ которыхъ успѣлъ сдѣлать обширныя выписки. Быть можетъ, на основаніи этихъ данныхъ онъ между прочимъ составилъ какое-то особое мнѣніе о бобыляхъ, содержанія котораго онъ не сообщалъ, а только шутливо предупреждалъ, что я долженъ буду поругаться съ нимъ за тѣ мысли, какія онъ, дастъ Богъ, выскажетъ относительно бобылей. Несомнѣнно, что главнымъ образомъ изъ этихъ книгъ по г. Пскову у него «подобрался довольно интересный матеріалъ о рабочихъ людяхъ XVII вѣка». Объ этомъ матеріалѣ онъ сообщалъ между прочимъ слѣдующее: «Я просмотрѣлъ весьма значительное количество всякихъ памятниковъ, относящихся къ зависимому населенію Московской Руси XVII вѣка. Говорю «зависимому», а не «тяглому» только, населенію потому, что хочу предложить NN напечатать цѣлый рядъ договоровъ о личномъ наймѣ и объ отдачѣ «въ дитяти мѣсто», представляющихъ изъ себя тотъ же договоръ личнаго найма, только въ болѣе скрытой формѣ. Къ этой же категоріи я отношу нѣкоторое число списанныхъ мною памятниковъ объ отдачѣ въ обученіе какъ родителями дѣтей, такъ и взрослыми лицами самихъ себя». Но и этотъ планъ онъ повидимому не успѣлъ осуществить.

Кромѣ этихъ двухъ наиболѣе обширныхъ и цѣльныхъ отдѣловъ въ бумагахъ покойнаго находится нѣсколько цѣльныхъ копій и значитель-

ное число любопытныхъ болѣе или менѣе обширныхъ выписокъ, источникъ которыхъ при бѣгломъ обзорѣ не всегда удастся установить. Таковы выписки изъ записныхъ книгъ повидимому Помѣстнаго приказа, изъ книгъ по Рязани о сыскѣ бѣглыхъ крестьянъ, изъ волостныхъ расходныхъ книгъ, изъ умоленныхъ книгъ выдѣльнаго хлѣба, изъ дѣлъ и столбцовъ Бѣлгородскаго стола и Сибирскаго приказа, списки помѣстныхъ указовъ новыхъ статей и т. п. Безспорно, что И. Н. Миклашевскій, какъ и всякій занимающійся въ архивахъ урывками, нѣсколько увлекался, не желая упустить изъ рукъ тотъ или иной любопытный документъ. Такъ онъ приготовилъ для изданія по рукописи, хранящейся въ Московскомъ дворцовомъ архивѣ, опись городовъ 1699 года, которая въ настоящее время передана Харьковскому историко-филологическому обществу для напечатанія въ его изданіяхъ. Еще при жизни онъ передалъ въ Академію Наукъ «Доимочную книгу по сбору мостовыхъ и рѣшеточныхъ денегъ по городу Москвѣ», которая въ настоящее время уже и издана.

Безспорно, что много любопытныхъ и цѣнныхъ историческихъ матеріаловъ осталось въ бумагахъ И. Н. Миклашевскаго. Но пройдя черезъ всякія другія руки, этотъ матеріалъ не можетъ получить той обработки, какую готовилъ для него собиратель; живая связь этого матеріала навсегда погибла. Въ обработанномъ же видѣ сохранилась въ бумагахъ только одна небольшая замѣтка, да и та не въ полномъ видѣ: это небольшой докладъ о древне-русскомъ кадастрѣ. Надо надѣяться, что и въ этомъ незаконченномъ видѣ онъ будетъ изданъ въ трудахъ какого-либо ученаго учрежденія или общества.

Какъ человѣкъ весьма живой и весьма дѣятельный, И. Н. Миклашевскій съ большой чуткостью откликался на всѣ текущіе вопросы жизни и съ готовностью посвящалъ свои силы ихъ разъясненію, если только признавалъ, что можетъ быть полезенъ въ данномъ дѣлѣ. Такъ въ качествѣ статистика онъ принялъ близкое участіе въ организаціи на мѣстѣ, т. е., въ Харьковѣ, дѣла о первой всеобщей переписи населенія въ 1897 году. А въ рѣдкіе моменты, когда совѣтамъ университетовъ приходилось обсуждать частные или общіе вопросы, касающіеся тѣхъ или иныхъ сторонъ университетскаго строя, И. Н. Миклашевскій всегда былъ дѣятельнымъ участникомъ комиссій, которымъ поручалось выработать проекты мотивированныхъ докладовъ. Онъ, напримѣръ, былъ единоличнымъ составителемъ доклада о необходимости упраздненія профессорскихъ гонораровъ, въ которомъ привелъ чрезвычайно яркія цифровыя данныя неравномѣрности и несправедливости этого вида вознагражденія профессоровъ у насъ въ Россіи. Наконецъ, въ прошломъ году онъ былъ чле-

номъ и однимъ изъ секретарей комиссіи, избранной совѣтомъ Харьковскаго университета для выработки отвѣтовъ на вопросы о желательныхъ видоизмѣненіяхъ въ строѣ нашихъ университетовъ.

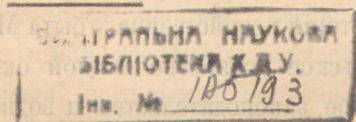
Работалъ онъ всю жизнь, не покладая рукъ, и трудъ его былъ главною жизненною утѣхой. А жизнь не баловала его и осталась передъ нимъ въ долгу. Такъ по крайней мѣрѣ sit tibi terra levis...

Вотъ перечень главныхъ изданныхъ трудовъ И. Н. Миклашевскаго:

- 1) «Геологія Глуховскаго уѣзда Черниговской губерніи». 1883.
- 2) Принималъ участіе въ составленіи книги: «1883 годъ въ сельскохозяйственномъ отношеніи».
- 3) «Очерки крестьянскаго хозяйства въ Малороссіи». Изв. Петровск. Академіи, 1887, в. 2.
- 4) «Сельское хозяйство Японіи». Сотрудникъ, 1887, № 7.
- 5) «Опытъ пользованія торфомъ въ сельскомъ хозяйствѣ». Сотрудникъ, 1887, № 9.
- 6) «Краткій историческій очеркъ Академіи». Сборникъ свѣдѣній о Петровской земледѣльческой и лѣсной Академіи. 1887.
- 7) «Что такое сельскохозяйственное законовѣдѣніе?» Изв. Петров. Академіи. 1888, в. 2.
- 8) «Законъ 4-го апрѣля 1888 года о сбереженіи лѣсовъ». Вѣстн. русск. сельск. хозяйства, 1889.
- 9) «Народное образованіе въ Кіевскомъ учебномъ округѣ». Юрид. Вѣстн., 1891, № 5.
- 10) «Du prix de revient des principales céréales en Russie et en Allemagne». Journal des économistes, numéro d'avril 1891.
- 11) «Задачи экономіи и полиціи сельскаго хозяйства». Изд. Московск. Политехн. Музея, 1892.
- 12) «Die Entwicklung des landwirthschaftlichen Bildungswesens in Russland» Wien 1892. «Очерки изъ исторіи сельско-хозяйственнаго образованія въ Россіи». Техн. Образ. 1893.
- 13) «Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства. Часть I. Заселеніе и сельское хозяйство южной окраины XVII вѣка». 1894.
- 14) «Водное законодательство и водное право въ Россіи». Русская Мысль, 1895, №№ 8 и 9.
- 15) «Новый проектъ пользованія оросительными водами въ Крыму». Журн. Мин. Юст., 1896, № 3.
- 16) «Les syndicats industriels d'après l'ouvrage russe de m. J. Yanchoul». Revue d'Economie politique, 1896.

- 17) «О численномъ методѣ изученія общественныхъ явленій». Образование, 1897, № 1.
- 18) Отзывъ о книгѣ. «Л. В. Ходскій. Основанія теоріи и техники статистики». Образование, 1897, № 2.
- 19) «Земледѣліе и горнозаводская промышленность въ Россіи». Русская Мысль, 1897, № 2.
- 20) «Къ вопросу о профессорскомъ гонорарѣ». Образование, 1897, № 12.
- 21) Отзывъ о книгѣ: «Бертильонъ. Курсъ административной статистики. Образование, 1898, № 1.
- 22) «Можно ли возлагать на народныхъ учителей какія-либо обязанности по техническому и профессиональному образованію?» Вѣстникъ воспитанія, 1898, № 2.
- 23) Отзывъ о книгѣ: «В. Петровъ. Вопросы народнаго образованія въ Московской губерніи» (для комиссіи по присужденію премии Самарина). Образование, 1899, №№ 5—6.
- 24) «Russian school of political economy». Dictionary of political economy Jnglis Palgrave, v. 3, 1899.
- 25) Въ Энциклопедическомъ словарѣ, изд. подъ ред. Арсеньева и Петрушевскаго, помѣщены статьи: *межеваніе, меліорации сельскохозяйственныя, оброчная подать, оброчныя статьи, передѣлы крестьянскихъ земель, переписи, поземельная община, поземельные налоги, разверстаніе угодій, собственность поземельная, статистика.*
- 26) «Доимочная книга 7202—7203 г.г. по сбору мостовыхъ и рѣшеточныхъ денегъ съ Кремля, Китая, Бѣлаго и Земляного городовъ». Зап. Акад. Наукъ, VIII серія, т. V, № 4, 1902 (посмертное изданіе).¹⁾ (Изъ Ж. М. Н. П., 1902, V).

М. Дьяконовъ.

¹⁾ Кромѣ перечисленныхъ уважемъ еще: 27) Отзывъ о книгѣ Постникова «Южно-русское крестьянское хозяйство» (для комиссіи по присужденію премии Самарина; этотъ отзывъ, какъ и о книгѣ Петрова награжденъ золотой медалью). Иванъ Николаевичъ принималъ участіе своими статьями въ «Русскомъ Курьерѣ», «Русскихъ Вѣдомостяхъ», и во многихъ журналахъ (Е. Р.).